

УДК 111

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-21-26

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ АМОРТИЗАТОРЫ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ТЕЛА: ТЕХНОЛОГИИ, ФАНТАЗМ, ОБЩЕСТВО

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: kocheretyany@gmail.com

Данный текст представляет собой реплику на статью А.А. Аргамаковой «Объективность и метод социальной эпистемологии». Автор солидаризируется с выводами А.А. Аргамаковой о концептуальных, семантических, организационных возможностях социальной эпистемологии в контексте отношений знания и общества, а также предлагает обратить внимание на технологии, которые работают с социальным воображением и обуславливают фантазмы. В свою очередь, науке приходится работать с этими фантазмами или встраиваться в них для того, чтобы проникнуть в тело общества.

Ключевые слова: эпистемические добродетели, оптические медиа, Aufschreibesystem, социальное воображение

Цитирование: Очеретяный К.А. Эпистемические амортизаторы для коллективного тела: технологии, фантазм, общество // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 21-26. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-21-26

EPISTEMIC DAMPERS FOR THE COLLECTIVE BODY: TECHNOLOGY, FANTASY AND SOCIETY

Konstantin A. Ocheretyany – PhD in Philosophy, senior lecturer, Department of Philosophy of Science and Technology. St. Petersburg State University. 5 Mendelevskaya line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kocheretyany@gmail.com

This text is a replica of an article by Alexandra Argamakova "Objectivity and the Method of Social Epistemology". The author agrees with her conclusions about the conceptual, semantic, organizational possibilities of social epistemology in the context of knowledge and society relationship, and also invites attention to technologies that work with social imagination and cause fantasies. In turn, science has to work with or integrate into these fantasies in order to enter the body of society.

Keywords: epistemic virtues, optical media, Aufschreibesystem, social imagination

For References: Ocheretyany, Konstantin. 2022. Epistemic dampers for the collective body: technology, fantasy and society, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (4): 21-16. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-4-21-26 (In Russian)

Высказанный А.А. Аргамаковой тезис о социальной эпистемологии как о рациональной политике знания [Argamakova, 2015, р. 5-8] ставит вопросы не только о социальной организации знания, господствующих типах связи и отношений, возможностях акторов,

дисциплинарной аксиоматике и инстанциях власти, но и о вытесненном, о потерянной массе и потерянной энергии (которая разыскивается не только в космологии, но и в социологии и эпистемологии); иначе говоря, о том, что знанием не является, но, будучи вытесненным, продолжает оказывать на знание влияние как фантазм, как наваждение, как одержимость. В действительности для науки и общества (а также для понимания динамики их взаимодействия) важны не только идеи икс (т. е. любые идеи, причисляемые к научным), но и идеи фикс (все, что ускользает от концептуализации, но существует как некое настроение). И вполне возможно, что идеи икс, как то, что устанавливает, объясняет и связывает факты, являются негативным отпечатком идей фикс.

Так, например, Б. Латур выделяет три стадии «приручения» динозавра [Latour, 1980, p. 5-8]: столкновение с его природой (окаменелостями), с его концептом (вписывание в систему знаний), с его образом (культурная апроприация) – реалзавр, сайентозавр, попзавр. Очевидно, таким образом удастся представить историю введения динозавра в коллективное воображение человечества. Однако, несмотря на ясность и отчетливость дискурсивной схемы «природа – наука – общество» для «приручения» динозавра, она оказывается недостаточной, так как остаются непонятными страхи и надежды – идеи фикс, исходящие из самого коллективного воображения, которое не только пассивно приняло образ динозавра, но и участвовало в его формировании. Ведь помимо того, что динозавр проходил эволюцию биологическую, он уже после своего фактического исчезновения подчинялся имагологической эволюции, т. е. боролся со своими двойниками и соперниками (можно вспомнить не только парадоксы и ошибки эпистемического реконструирования, но и постепенное расширение границ социального принятия: от чудовищ «Затерянного мира» до мягких игрушек – конкурентов teddy bear). Возможно, в современном мире Годзилла менее популярен, чем Пикачу, но очевидно одно: кости динозавров заполнены теперь той же плотью, что и образы покемонов – плотью воображения. В этом смысле вполне правомерно то, что динозавры – потомки драконов.

Показательно, что само воображение, участвующее в производстве фактов, нельзя признать монополией человечества. Скорее, не воображение принадлежит человечеству, а человечество – воображению. В самом деле, обратимся к самой возможности и причинам конкуренции динозавров и покемонов. Как это возможно, что полностью воображаемые существа конкурируют с существами скорее преобразенными/искаженными или по крайней мере дополненными воображением? Истоки этой конкуренции, как ни странно, примерно те же, что и у объективности – оптические медиа и их влияние на общество. Когнитивные исследования показывают, что метафоры ближе телу, чем слову; они укоренены в опорно-двигательном, сенсорном и эмоциональном аппаратах или по крайней мере могут быть сведены к ним. С другой стороны, нам

мало известно о нас самих, о своих чувствах, желаниях и фантазиях, пока используемые нами технологии не модифицируют те метафоры, которые уже содержатся в телесности. Наука всегда прибегала к оптическим метафорам. Тень долгое время была символом незнания (достаточно вспомнить власть теней в пещере Платона). Однако исследования распространения света от источников, помещенных под произвольным углом и испытывающих сопротивление непрозрачных вещей, и изучение оптических возможностей линзы, в особенности шума (искажений) и фокуса, не просто изменили отношение к тени, но и создали возможность посредством нее воспроизводить сами вещи. Более того, теологическая или метафизическая проблема присутствующего отсутствия превратилась в проблему эмпирическую: экономическую, психологическую, эстетическую. Новое время начинается с обнуления – буквально с введения нуля. Присутствующее отсутствие в математике и экономике – это ноль для исчисления, различения порядков и кредитования. В теории познания и психологии – это субъект, который знает только то, что он ничего не знает, или даже *tabula rasa*. В эстетике и теории изображения – это некий инвариант, оптический фокус, вокруг которого теперь организуется изображение, а, следовательно, и воображение. Люди всегда хотели разбогатеть, но только в Новое время возникает идея достижения богатства не благодаря счастливому случаю или прихоти судьбы, но за счет разума – например, рациональной организации труда. Точно так же люди всегда стремились рисовать, но никому и в голову не приходило организовывать изображение вокруг единого инварианта, фокуса, основанного на научных достижениях геометрической оптики, тригонометрии, перспективы. М. Фуко в предисловии к «Словам и вещам» на примере «Менин» Веласкеса показывает этот фокус, называя его местом короля; но по сути – это скорее место мертвеца или призрака, там никого и ничего нет, кроме оптических иллюзий и математических проекций. Видение без взгляда – чем не посмертная маска? Иными словами, субъект соотносит себя с тем, чем он не является – с призраком, созданным для него машиной (перспективная живопись с ее математическим аппаратом – предшественник программирования); а человек, отождествляя себя субъектом, полагает своим взглядом то, что создано технически, оптически и математически.

Э. Панофски показал, что перспектива становится символической и технологической формой, не просто выражающей опыт мира, но и заново учреждающей воображение. Теперь даже наиболее фантастическое существо, размещенное на холсте, становится подчиненным рациональным принципам однородности, связности, последовательности, ранее характерным скорее для геометрического пространства, а не для феноменологического. И если метафоры чувств, воображения, желания на самом деле становятся нам ясны после их технической репрезентации, то в случае перспективы как символической формы исчезает граница между воображае-

мым и фактическим. Ирреальные существа в условиях подобной аппаратной апперцепции могут существовать по вполне рациональным принципам организации опыта, а потому наделяются реальностью. Наоборот, реальные существа все более модифицируются технологическим воображением, приобретая черты ирреальных. Здесь можно вспомнить, что опыты Фарадея, Максвелла, Штамппера, а также психофизиологические открытия в области теории восприятия, в частности персистенции, привели к созданию тауматропа, зоотропа, фенакистоскопа, стробоскопа и других предшественников кинематографа; это произошло как раз в тот момент, когда визуализация оптико-технологическими средствами стала ключевым принципом не только научной демонстрации, но и научного доказательства [Вайбель, 2011, с. 135-162]. Объективность приходит на смену почти метафизическим (а следовательно, сомнительным) понятиям истины и реальности в тот самый момент, когда они, благодаря протезированию социума техникой, становятся менее всего интересны и в социальном, и эпистемическом смысле, когда всех увлекают скорее измененные состояния, глубины субъективного опыта, наваждения. В этот же век открывают и динозавра. Он будто бы ждал эпохи медиа для того, чтобы появиться на свет.

Из-за размеров динозавра просто не приняли и не увидели, если бы не были созданы визуально-технологические условия для его социоэпистемического воображения. Динозавр был скрыт под пластами земли; так же и технические условия, определяя метафоры и формат репрезентации, часто скрывают гипотетический объект под пластами воображения. Иными словами, оптико-технологическая репрезентация и те метафоры, которые она породила, дали возможность чудовищу, будоражащему воображение, предстать по рациональным правилам: ранее чудовища рождались из свободы фантазии, теперь они сами пленники разума. Но эти же оптико-технологические условия раздвинули горизонты восприятия и позволили пуститься в погоню за призраками, за претендующей на фактичность репрезентацией не только мнимых существ, но и субъективного, тревожного, хрупкой стабильности мира (достаточно вспомнить немецкий экспрессионизм). Следовательно, идеи фикс, как то, что тревожит воображение, какой бы силой они ни обладали – это не просто нечто выходящее за пределы рациональной политики знания, это некая обращенная энергия, исходящая от общества и стремящаяся вернуться к нему. По аналогии с естественно-научными исследованиями агрессии как биологической постоянной социогуманитарным наукам можно было бы признать страх или по крайней мере тревогу социальной постоянной – той самой «потерянной массой/энергией». Социальное воображение производит монстров, но технологии позволяют их обживать, предлагая ряд метафорических фильтров. Технологии позволяют человечеству выживать в его собственном воображении, выстраивать не просто эпистемические амортизаторы, но и эпидемиологи-

ческие барьеры, определяющие возможности для принятия превращенных продуктов фантазии.

Обратимся для примера к Ф. Киттлеру, который выдвигает концепт *Aufschreibesystem* [Kittler, 1985] – систем записи, под которыми он понимает сеть технологий и институтов, позволяющих культуре воспроизводить себя, хранить, обрабатывать и транслировать данные. Киттлер выделяет три системы записи: 1) *Aufschreibesystem 1800* – эпоха книги и прессы, запроса на всеобщую грамотность, адресации книг и авторства, систем ссылок и линейно-перспективной последовательности мышления; 2) *Aufschreibesystem 1900* – кризис монополии книги под возрастающим влиянием фонографа, граммофона, кинетоскопа; перемещение изображения и звука, а вместе с тем и запрос на психотехники, адекватные новому опыту; 3) *Aufschreibesystem 2000* – оцифровка, конвергенция форматов, взаимодействие с возросшим потоком данных, императивы цифрового разума. Все три этапа можно сопоставить с топологией Фрейда, выраженной в Я, Сверх-Я, Оно. *Aufschreibesystem 1800* – время монополии Я: индивидуальности, сознания, коммуникативности. *Aufschreibesystem 1900* – время монополии Оно: дискретного опыта, телесности, измененных состояний сознания. *Aufschreibesystem 2000* – время монополии Сверх-Я: абсолютное знание, воплощенное в цифровой среде, выдвигает к человеку невозможные и невыполнимые требования. Всякий раз технологии позволяют человечеству использовать энергию собственного воображения или по крайней мере найти себе место в нем, примирившись с идеями фикс, и открыть возможности для знания и существования, действия и истолкования. Но всякий раз происходят столкновения с идеями фикс, исходящими из разных инстанций. *Aufschreibesystem 1800* имела дело с гипостазированными формами Я, технически репрезентируя субъект, примеряя его с собственными призраками. *Aufschreibesystem 1900* имела дело с Оно, с неким гипостазированным принципом удовольствия, перетекающим во влечение к смерти, с дискретностью, симуляцией, манипуляцией, кризисом идентичности и т. д. *Aufschreibesystem 2000*, по всей видимости, оборачивается гипостазированным Законом, который, поскольку Сверх-Я ближе к Оно, чем к Я, принципиально иррационален – человек перестает быть лидером в области алгоритмов и обработки информации; чтобы остаться человеком, ему нужно будет превратиться скорее в эмоциональную машину.

Все это, напомним, фобии, но они влияют и на социальные коммуникации, и на формы знания. У общества нет другого зеркала, спасающего от своего собственного воображения, кроме технологий. И если рассмотреть технологии в эпидемиологическом, а не только в прагматико-эпистемическом контексте, то можно расширить границы объективности и начать поиск альтернативных эпистемических добродетелей с отношения к знанию как к технологическому компромиссу между фобиями и идеями фикс.

Информация о финансировании исследования

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МК-169.2021.2. СПбГУ

Funding

The work was supported by a President of the Russian Federation grant. Project MK-169.2021.2. St. Petersburg State University.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Вайбель, 2011 – *Вайбель П.* Восприятие в технологическую эпоху // Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров / пер. с нем. О. Никифоров, Б. Скуратов. М.: Логос, 2011. С. 135-162.

Argamakova, 2015 – *Argamakova A. A.* Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 5-8.

Latour, 1980 – *Latour B.* Three Little Dinosaurs or A Sociologist's Nightmare // *Fundamenta Scientiae*. 1980. Vol. 1. P. 79-85.

Kittler, 1985 – *Kittler F.* Aufschreibesysteme 1800/1900. München: Wilhelm Fink, 1985. 525 S.

References

Argamakova, A.A. "Social Epistemology and Its Ways of Setting Policy", *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2015, vol. 4, no. 3, pp. 5-8.

Kittler F. Aufschreibesysteme 1800/1900 [Discourse Network 1800/1900]. München: Wilhelm Fink Publ., 1985. (in German)

Latour, B. "Three Little Dinosaurs or A Sociologist's Nightmare", *Fundamenta Scientiae*, 1980, vol. 1, pp. 79-85.

Weibel, P. Vospriyatie v tekhnologicheskuyu epohu [Perception in the Technological Era]. In: Weibel P. *10++ programmyh tekstov dlya vozmozhnyh mirov* [10++ program texts for possible worlds]. Moscow: Logos Publ, 2011, pp. 135-162. (in Russian)

Поступила в редакцию: 17.11.2022

Принята к публикации: 05.12.2022